

ЯНВАРЬ

Утреннее солнце подрагивает в облаке выхлопных газов, окрашивая дома в мутно-жёлтый цвет. Из-за торгового центра появляется неопрятного вида мужчина.

Для столь морозной погоды он одет на удивление легко. На мятом пепельно-сером пиджаке и брюках без стрелок видны большие и маленькие пятна, о происхождении которых лучше не думать. Даже внимательному прохожему не придёт в голову, что этот костюм, который и на переработку-то не отправить, когда-то обошёлся владельцу в четырёхзначную сумму.

Мужчина, пошатываясь, бредёт в рассеивающемся тумане. Он осознаёт, что улица ему незнакома, и больше пока не понимает ничего. Он делает глубокий вдох, вбирая в себя туман, и пространство для мыслей в его голове появляется лишь тогда, когда пар изо рта растворяется в морозном воздухе.

Сперва приходят мысли о том, что неизвестно: где он находится, как сюда попал, долго ли шёл, и вообще — кто он такой. Всё вокруг имеет нечёткие очертания, колышется и плывёт, как если бы фотоаппарат с автоматической настройкой резкости не мог поймать фокус.

Мужчина прислоняется к заиндевевшему окну супермаркета. В нос тут же бьёт тошнотворная смесь

запахов — мочи и перегара. Человек по ту сторону стекла прижимает ладонь к его ладони, но он не узнаёт в этом человеке себя.

У отражения его черты лица, но белки под нависшими веками покраснели, словно кто-то втёр ему в глаза толчёное стекло. На голове — шапка с логотипом банка, разорившегося много лет назад.

Он проснулся на диване в захудалой двухкомнатной квартирке. Из приоткрытой двери доносились звуки — по телевизору говорили что-то о физиологических процессах. На большой кровати спали двое незнакомцев. Это были люди явно не его круга. На кухонном столе среди пустой тары он обнаружил полупустую бутылку водки «Суоми» и, хорошенько приложившись, убрал её в карман пальто.

Из выпивки сначала был кальвадос, потом коньяк ХО и виски «Савой». Впрочем, это было давно — несколько дней или даже недель назад. Протрезвев, он понял, что утратил чувство времени. Судя по щетине, запой длился дней девять.

Рука, которую он прижимает к стеклу, покраснела от холода. Суставы опухли, пальцы не слушаются, несмотря на все усилия. Он вдруг осознал, как сильно замёрз. И это неудивительно: после неудачной попытки помочь его забрызганное пальто отправилось в мусорный бак.

Мужчина пытается заговорить с прохожими, попросить их о помощи, но вскоре понимает, что речь бессвязна.

Он видит людей на остановке и направляется к ним, но ноги не слушаются, уводят его в сторону, а затем начинают разъезжаться. В итоге, почти добравшись до навеса, он падает на колени.

Ему протягивают цветы. Их много, они пёстрые, и букет выглядит вульгарным. Мужчину это немного коробит — как-никак вкус у него имеется. И всё же он с улыбкой бормочет слова благодарности девушке в деловом костюме. Кладёт цветы на кафедру, склоняется к микрофону и, глядя на публику, произносит волшебное слово: сострадание.

Люди на остановке расступаются и отводят взгляд. Когда автобус наконец увозит их, в воздухе повисает неслышный вздох облегчения.

«Меня зовут Ханнес Лехмусоя, — вдруг вспоминает мужчина. — Я успешный бизнесмен, известный меценат. Покровитель современного искусства». В этот момент его сфинктер расслабляется и тёплая жижка течёт между ягод. Благодаря этому удаётся произнести сквозь зубы первое членораздельное слово: «Чёрт!»

На другой стороне улицы Ханнес видит сквер. Собравшись с силами, он поднимается на ноги, сжимает бедра руками и в таком положении начинает переходить дорогу.

Посреди проезжей части Ханнес останавливается. Мысли немного проясняются. Слышен визг тормозов, и в паре метров останавливается грузовик. Ханнес рассматривает шильдик «Вольво» на кабине. «У меня тоже

“Вольво”», — думает он, отпуская собственные бёдра, затем выпрямляется и нетвёрдым шагом двигается дальше. За разделительной полосой что-то проносится перед ним — машина, разумеется, это машина, которая чуть не задевает его. Сквозь тонкую рубашку Ханнес чувствует воздушную волну. Водитель грузовика сигналил. Не удовлетворившись этим, он опускает стекло, высовывается из кабины и орёт. Слов не разобрать. Ханнес плетётся дальше, спотыкается о бордюр, чудом удерживается на ногах, добирается до скамейки и валится на неё.

Сострадание. И ещё одно волшебное слово, по значению родственное состраданию: *солидарность*.

Когда выступаешь, важно сохранять зрительный контакт с аудиторией, адресовать свои слова каждому из слушателей. Это придаёт речи некую интимность. Возникает впечатление, что общаешься не со всеми людьми сразу, а с каждым в отдельности. Объект обращения можно менять, но лучше не делать это слишком часто.

Я часто слышу, что истинная солидарность ощущается только по отношению к определённой группе людей.

Ханнес не любит использовать возвратные глаголы, это проскользнуло случайно. Стилистическая неточность. Он делает паузу и заглядывает слушателю в лицо. Глаза из-под меховой шапки смотрят испуганно. Детские черты. Ребёнок отступает на шаг. Кто-то осторожно трогает Ханнеса за плечо.

— Вы в порядке? Может, вызвать скорую?

Ханнес поднимает руку. Этим жестом он хочет показать публике, что пауза была намеренной, что он не утратил нить повествования.

— Меня... заберут.

— Вы уверены?

— Надо передохнуть.

Мать с ребёнком уходят своей дорогой. Удаляясь, они оглядываются. Женщина достаёт из сумочки телефон, но тут же убирает обратно.

Ханнес смотрит им вслед. Пауза затягивается, пора продолжить выступление. Кажется, только что было холодно? Теперь нет. Ему хочется остаться здесь. Он должен говорить дальше, презентовать проект «Сострадание», финансируемый фондом, который носит его имя. И ловит новый взгляд из аудитории.

— Чем ограничена солидарность? — спрашивает Ханнес белку в зимней шубке. — Семьёй? Ближним кругом? Заканчивается ли она там, где проходит государственная граница? Касается ли истинная солидарность только тех, кто похож на нас, тех, с кем мы себя отождествляем? Заканчивается ли она там, где начинается море? Нам ли, финнам, не знать из истории, что водоёмы не разделяют, а, напротив, связывают тех, кто живёт вдали друг от друга?

Белка склоняет голову, и Ханнес непроизвольно копирует это движение.

— Не достаточно ли для зарождения сострадания малейшего объединяющего фактора? Все мы — люди,

несмотря на национальность, цвет кожи, возраст и пол. Ты и я, мы ведь с тобой похожи, — говорит он и заглядывает в беличьи тёмные глаза.

Белка вздрагивает, спрыгивает на снег и скачет к покрытой инеем берёзе.

Провожая её взглядом, Ханнес видит узкую тропку, которая проходит мимо дерева. Он поднимается и идёт вслед за белкой. Минует розовый куст, который под слоем снега напоминает кочан цветной капусты.

Ханнесу больше не холодно — напротив, тепло, приятно. Он обожает субэкваториальный климат. Влюбился в него с тех самых пор, как побывал здесь впервые. И, уезжая, всякий раз мечтает вернуться обратно.

Маленькая обезьянка, за которой он устремился, сидит на ветке акации и с любопытством смотрит на него. Ханнес усаживается под кустарником.

Это его дом, здесь душа отдыхает. Синее небо, кучевые облака, родившиеся над южной Атлантикой и теперь медленно плывущие над саванной. Бескрайняя равнина, акации там и сям. Вот было бы здорово увидеть антилопу, которая прогуливается в их тени!

Ханнес смотрит на небо. Солнце, которое ещё минуту назад подрагивало в холодной дымке, теперь обрело ясные очертания и стало жёлто-оранжевым. Его свет ослепляет.

Он чувствует: антилопа где-то рядом.

Она приближается.

Он не видит животного, но явственно ощущает его присутствие. Наконец появляется морда антилопы. Она чёрно-белая, и Ханнес обнаруживает, что на ней нет шерсти.

Белое — это кость, и из антилопьего черепа прямо на него смотрят большие чёрные беличьи глаза.

МАЙ

Суд начался наутро после первомая, в девять. Но никто в зале не выглядел похмельным.

Весна запаздывала, заставляла себя ждать, и истосковавшийся по ней город становился всё более грустным, даже как будто отчаявшимся. В пасмурные дни стены панельных домов казались хмурыми, словно лицо работяги после разговора с начальством.

Накануне праздника обманчиво светило солнце, а затем пошёл дождь со снегом, отчего дополнительный выходной перестал выглядеть так уж привлекательно. Подобные праздники нравятся чиновникам — по крайней мере тем из них, кто в такие дни вынужден работать.

Молодой констебль у входа в здание суда грел руки в карманах. Дверь была заперта, а единственного фоторепортёра, оказавшегося в зале, попросили выйти. Подсудимый сидел за столом напротив судьи, чьё место располагалось на полуметровом возвышении. Молодой человек склонил голову и натянул на лицо капюшон.

Судьей была женщина среднего возраста, с лицом таким же строгим, как пучок на её затылке. Человеку в её положении непозволительно демонстрировать страдание.

Капюшон закрывал лицо подсудимого почти целиком, но по гладкому розовому подбородку можно было догадаться, что тот весьма юн.

Сюрпризов от процесса никто не ждал. Речь шла о рядовом преступлении, которое вряд ли всколыхнёт общественность. В нём не было ничего шокирующего или исключительного — банальное убийство. Таким обычно не посвящают целый разворот в жёлтой прессе и о них не ведут трансляции в твиттере.

В дальнем углу сидели криминальный корреспондент муниципальной газеты и внештатник вечернего издания. Их лица выражали интерес — но лишь по долгу службы. Приговор будет удостоен максимум двух газетных колонок, а сам процесс затянется не более чем на пару дней.

Подсудимый вины не признавал, но при этом совершенно не помнил событий того дня и никак не мог подтвердить своё алиби. Жертвой оказался мелкий дилер, неоднократно судимый по делам о наркотиках. По словам прокурора, двадцатиднолетний молодой человек, скрывающий лицо под капюшоном, ударил жертву ножом, чтобы завладеть амфетамином, который позже обнаружили в кармане обвиняемого. Орудие убийства нашли на месте преступления, в квартире жертвы, на нём были отпечатки пальцев обвиняемого. Кроме того, обнаружилась его одежда со следами крови убитого.

Задержание не потребовало спецоперации — убийца лежал без сознания в спальне всё той же квартиры. Истекая

кровью в гостиной, дилер успел позвонить в скорую, но скончался до прибытия помощи.

Вдруг подсудимый откинул капюшон — словно что-то заставило его открыть лицо и смириться с решением суда.

У него были глаза ребёнка, который набедокурил и попался, но от стыда не может сознаться, хоть и знает, что взрослым всё известно.

Среди немногочисленной публики никто не был похож на отца, мать или девушку убийцы. А вот бывшая жена убитого в этом зале бывала и раньше — когда тот сидел на месте обвиняемого. Она была девчонкой, которая увлеклась плохим парнем и изо всех сил старалась сбереечь подростковую любовь — чтобы дети не оставались без отца. Теперь они уже ходили в школу. Когда перед лицом невозможного её силы иссякли, она пошла более простым путём — стала матерью-одиночкой, однако продолжала общаться с бывшим мужем ради детей.

Теперь отца у них не было. Две недели назад от него осталась лишь могильная плита на краю кладбища.

Рядом с бывшей женой убитого сидела его сестра, женщины держали друг друга за руки. Глаза у обеих были заплаканные. Детей в суд приводить не стали, не было здесь и матери погибшего.

Мать, чей ребёнок убит, всегда легко узнать: скорбь буквально въедается в её плоть, оставляя под глазами тёмные круги, которые не исчезнут уже никогда. У наркоманов тоже бывают близкие, которые остаются скорбеть.

В высокие окна заглянуло солнце, и люстры отбросили тени, похожие на космические корабли. Всё вдруг преобразилось, и люди тоже, словно только и ждали этого света.

В дальнем левом углу зала сидела женщина в больших и, по всей видимости, дешёвых тёмных очках. Она сутулилась, словно стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания. Волосы её тёмного каре выглядели слишком густыми и гладкими, чтобы быть настоящими. Парик тоже казался дешёвым — такие продаются в магазинах для взрослых. Женщина сидела неподвижно и держала голову так, что нельзя было понять, куда она смотрит.

Судья проглядел бумаги и ударил молотком по столу. Молодой прокурор сделал лицо посерьёзнее — скоро ему предстояло выступать.

От резкого звука женщина в парике вздрогнула. Пока пожилой судебный фотограф выполнял свою работу, она сидела, закрыв глаза и слушая негромкие щелчки. В зале суда эти щелчки всегда звучат одинаково и похожи на удары, перед которыми подсудимые беззащитны.

Она смотрела сзади на тёмно-серый балахон и склонённую голову, на волосы цвета мокрого песка. Молодой человек держал руки на столе, затем поднял правую и снова натянул капюшон. На мгновение женщина увидела под задравшимся рукавом синеватую татуировку. Но запястье было чистым и гладким.

Заговорил прокурор, и женщина слушала его так, как слушают пастора на похоронах, — не пытаясь ничего запомнить. Не считая её и человека в капюшоне, в зале

находились чужие люди, могильщики, которые делали свою работу, — либо плакальщики, чья доля тоже была по-своему тяжкой. Зал суда выглядел по-фински скромно, но тишина придавала ему некоторую торжественность, и он смахивал на церковный зал. Здесь все говорили степенно, даже если преступление было жестоким, абсурдным или омерзительным. Благодаря этому всё шло своим чередом, зло ненадолго выставлялось на всеобщее обозрение, а затем отправлялось в архив. Человеческие трагедии были здесь лишь бесконечной чередой дел, работой, которую нужно выполнить в срок.

У женщины зудела кожа головы, но почесаться она не решалась. Её собственные волосы, густые и длинные, едва умещались под чёрным париком. Она понимала, что выглядит нелепо, но стремилась исключить малейший риск того, что её узнают. А может, просто хотела превратиться в другого человека, которого все эти невыносимые вещи не касаются.

Как бы то ни было, не прийти сюда она не могла.

Она снова всматривалась в это гладкое запястье, представляла его маленьким и пухлым, думала о том, как прикасалась к нему, тёплому и нежному — именно таким она его запомнила.

С тех пор минул двадцать один год.

Уходя из зала, женщина ощутила, что что-то в ней изменилось.

ЧАСТЬ 1

Где я?

Вопрос настиг её на грани сна и яви, до того, как она открыла глаза.

Даже не вопрос, а ощущение — словно ей почти удалось выбросить из головы что-то страшное, но осадок остался.

Стараясь стряхнуть остатки сна, она сделала медленный вдох. Поначалу было абсолютно тихо, но вскоре раздался голоса чаек, одновременно близкие и далёкие, словно доносящиеся из другой реальности. Птиц было едва слышно, и она засомневалась, не галлюцинация ли это.

Она открыла глаза. Внутри шевельнулся страх.

Кругом царила непроницаемая тьма.

Женщина поднесла руку к глазам, пошевелила пальцами и сжала их в надежде увидеть движение и очертания кисти. Подняла голову. Она лежала на каком-то матрасе, подушки не было.

Ей всегда казалось, что в этой стране неестественно светло, но теперь всё было наоборот. Сейчас ночь или день? На какое-то мгновение она испугалась, что ослепла, но вскоре поняла, что видит темноту. Волны тьмы качались перед ней, словно бездонное море.

А что, если она ещё спит и видит сон о том, что проснулась? Иногда такое случалось: сперва снилось нечто плохое, настолько страшное, что, проснувшись, она думала, что это было на самом деле, — а потом оказывалось, что из одного кошмара она попадала в другой. Всякий раз ужас сменялся окончательным пробуждением, и только тогда она с облегчением понимала, что это был всего лишь сон.

Женщина положила голову на матрас и попыталась подумать о чём-то хорошем, чтобы отвлечься от этой ситуации, снова провалиться в сон и проснуться в своей постели от солнечных лучей, коснувшихся лица. Но спасительного возвращения не произошло — более того, сосредоточиться на своих мыслях ей тоже не удалось.

Это был не сон, она бодрствовала.

Она тщетно пыталась сфокусировать взгляд хоть на чём-то. Но ни узенькой полоски света под дверью, ни светящихся стрелок будильника, ни индикатора на мобильнике видно не было.

Где телефон?

Женщина осторожно ощупала себя. Она лежала на спине, полностью одетая — блузка, топ, джинсы и тряпочные туфли на босу ногу.

Телефон должен был находиться в сумке, в кожаном мешочке, куда помимо него еле вмещались маленький кошелёк и сигареты. Женщина пошарила по матрасу. Он был узкий, односпальный, и довольно быстро рука соскользнула на пол.

Пол оказался странным, необычно холодным. В сочетании со спёртым воздухом этот холод действовал угнетающе. Она протянула руку и достала до пола с другой стороны матраса. Это был не бетон, как она успела подумать, а скорее металл. Покрытие было неровным.

Сумки не нашлось ни с одной из сторон матраса. Кругом был лишь этот пугающий пол, влажный и скользкий.

Женщина проснулась окончательно. Она ощущала покалывание в груди и ком в горле, глаза никак не могли привыкнуть к темноте, никакие очертания вокруг не проступали. В комнату попросту не проникал свет. Не подвал ли это?

Она попыталась выровнять дыхание и сосредоточиться на воспоминании о последнем событии до пробуждения.

Это была встреча в тенистом уголке парка.

Женщина мысленно перебрала произнесённые слова и показанные фотографии. Она хорошо запомнила их все.

Она вспомнила облегчение и затем — чудовищную усталость.

Благодарность, с которой приняла бутылку воды.

Та оказалась полной, но была ли она запечатана?

Нужно было слушаться мать. Когда заходишь слишком далеко, перестаёшь понимать, кто ты есть.

Чувствуешь себя, как астронавт, который в открытом космосе отлетел слишком далеко от корабля.

*Can you hear me, major Tom?**

* Как слышно, майор Том? (англ.) — слова из песни Space Oddity Дэвида Боуи. — Прим. пер.